

NADIĀ GEORGIIŪVNA KOLOŠUK
[(НАДІЯ ГЕОРГІЇВНА КОЛОШУК),
NADEŽDA GEORGIEVNA KOLOŠUK,
(НАДЕЖДА ГЕОРГИЕВНА КОЛОШУК),
NADIYA GEORGIIŪVNA KOLOSHUK] (Luck [Lutsk], Ukraine)
E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Лирика «отца Солнышка»: «Какая мощь, как непостижимо велико усилие нести свет»

Греко-католический священник и поэт Ярослав Лесив (1945-1991) – человек необычный. Диссидент «шестидесятнического» поколения, он провёл в советских тюрьмах и лагерях свыше 13 лет своей короткой жизни и погиб в автомобильной аварии «при невыясненных обстоятельствах», поскольку самоотверженно и бескомпромиссно боролся за легализацию и реабилитацию униатской украинской церкви, загнанной при советской власти в подполье. Истощённый многолетним лишением свободы, больной и полуслепой, он оказался на воле неутомимым общественным деятелем, и советские спецслужбы отомстили ему за то, что теряли свою власть в разваливающемся СССР.

Поэзия Я. Лесива, которого прихожане за самоотверженность и чистую душу называли «отцом Солнышком», создана преимущественно в заточении, опубликована спорадически (единственный прижизненный сборник, составленный Н. Свитлычной, вышел в Нью-Йорке в 1982 году; три другие вышли посмертно), мало известна и почти не исследована. О её авторе писали преимущественно те, кто знал его как диссидента, – соратники и друзья: Надия Свитлычна, Панас Залываха, Евгений Сверстюк, Юрий Вивташ, Раиса Лыша. Кроме этих отзывов, публикации о Я. Лесиве единичны (даже в интернете): статьи-предисловия Тараса Сальги и Дмитрия Юсыпа, диссертация Марии Якибчук (и её же статьи), рецензия Евгена Барана, краеведческие и некрологические заметки, публицистические отклики. В них нередко встречаются неточности, которые следует учитывать¹. Последнее и самое

¹ Например, в биографической справке от составителя новейшей антологии неправильно указаны важные факты: начало второго срока заключения, время пребывания на воле, название первого сборника и т. д. Vide: *Поэзія із-за ґрат: Антологія*, О. Голуб (упоряд.); передм. Л. Тарнашинська, Київ 2012, с. 393-394.

полное издание произведений (кроме стихов – письма, публицистические выступления и документы), подготовленное сестрой автора Орысей Сокульской-Лесив, – «Сніг без ґрат» (К., 2014). В нём поэзия представлена наиболее полно, но не хватает комментариев и датировки, необходимых для исследователя.

Большинство лирических произведений Я. Лесива созданы, видимо, до того, как он принял священнический сан (после окончания третьего срока заключения в сентябре 1986-го закончил подпольную семинарию Украинской Греко-Католической Церкви и рукоположен в декабре 1988 года). Те друзья, кто знал его с детства, утверждают, что он начал слагать стихи ещё в 1960-х². Лирика Я. Лесива представляет мировоззрение искренне верующего человека. В ней утверждаются общечеловеческие и христианские ценности, органическими и несомненными явлены моральные аксиомы христианства. Проследить становление такого мировоззрения, опираясь только на стихи, невозможно, поскольку все опубликованные сборники разнятся составом и порядком размещения текстов, не содержат датировки и объяснений, из каких источников напечатаны; тексты имеют существенные отличия. Видимо, надлежит сделать текстологическое исследование, опираясь на архивы.

Мнения о поэзии Я. Лесива, высказанные доньше, во многих аспектах совпадают, но в некоторых противоречат друг другу. Для одних это – «поэзия борьбы» (Д. Юсып)³, для других – интимная лирика с осязаемым автобиографическим содержанием (Т. Салыга)⁴, для третьих – «преимущественно проблематика духа» (Ю. Вивташ)⁵. Одни говорят о простоте и органической естественности формы (Е. Сверстнок:

«Формой поэзия Лесива проста. Она плывёт, как молитва, как дыхание души. Метафора прозрачна, слово веско, рифма свежа и её не замечаешь»)⁶,

другие – об «олитературности» (Ю. Вивташ)⁷, об аналогии с японскими танка (П. Зальваха)⁸,

² Vide: Лесів Я. *Сніг без ґрат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Київ 2014, с. 659, 676, 701-703; *Лесів Ярослав Васильович*, Вікіпедія http://uk.wikipedia.org/wiki/Лесів_Ярослав_Васильович [доступ: 25.07.2014]; Терещук Г. «Не великими будьте, а святими». 18 років від загибелі священника Ярослава Лесіва, Радіо Свобода. 03.10.2009. <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1842412.html> [доступ: 26.07.2014].

³ Юсып Д. «Мій хрест – в руках, його нестиму...», [в:] Лесів Я. *Сніг без ґрат : поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. Орыся Сокульська], Київ 2014, с. 665.

⁴ Салыга Т. «Щоб не лишати внукам... кайдани», [в:] *ibid.*, с. 35.

⁵ Вивташ Ю. *Краплини на ґратах; Мужній лицар, добрий пастир...*, [в:] *ibid.*, с. 650.

⁶ Сверстнок Є. *Прагнення святости*, [в:] *ibid.*, с. 16.

⁷ Вивташ Ю., *op. cit.*, с. 650.

«перенасыщенности образностью, как бы сказать, не для крестьян» и одновременно недостатке «технической обработки» (Т. Сальга)⁹, и т. п.

Поэтическое наследие Я. Лесива многомерно и требует неоднократного прочтения и критической интерпретации.

Аспект религиозной проблематики и связь образной поэтики Я. Лесива с религиозным мировоззрением, на наш взгляд, требует истолкования в первую очередь (на данный момент его стремилась исследовать М. Якибчук: «религиозной лирике» двух авторов – Зеновия Красивского и Я. Лесива – посвящен раздел 3.2 в её диссертации¹⁰). Ведь писал Я. Лесив не столько для читателей (такими могли быть разве что самые родные люди, письма к которым пересыпаны поэтическими строфами; да ещё – тюремные цензоры, чьих глаз было не миновать), сколько для Того, к кому обращался, исповедуясь, поэтическим словом и ежедневной молитвой. Поэтому в стихотворном наследии Я. Лесива преобладают письма-обращения и поэтические миниатюры.

Тематически и проблемно, как заметил Т. Сальга, оно действительно невелико, как и количественно, хотя об этом судить ещё рано (самое полное – последнее – издание явно неполно, поскольку в антологиях украинской тюремно-лагерной поэзии были напечатаны стихи, которых в персональном сборнике не оказалось). Большинство тем относятся к миру природы, внутренней жизни, человеческих чувств; мотивы повторяются и варьируются, но для вдумчивого читателя каждый раз открывают глубину новых переживаний лирического героя. Почти нет стихотворений «ролевых» (когда лирический субъект выступает в отличной от собственно авторской ипостаси – как в стихотворении «У Василька й Дмитрика є тато...»¹¹, где персонажем и одновременно субъектом является мальчик-сирота), «нарративных» (когда в стихотворении есть сюжет или хотя бы его контур, персонажи, конфликт – как, например, в балладах), абстрактно-интеллектуальных, декларативно-публицистических... Последние у Лесива стиснуты до афоризмов:

⁸ Заливаха О. *З вірою і любов'ю; Нескорений*, [в:] Лесів Я. *Сніг без трат : поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. Орися Сокульська], Київ 2014, с. 644.

⁹ Сальга Т., *op. cit.*, с. 34-38.

¹⁰ Vide: Якибчук М. В. *Творчість Зеновія Красівського та Ярослава Лесіва: дискурс національної ідентичності*: автореф. дис. канд. філол. наук : 10.01.01 – укр. л-ра, Львів 2010, 19 с.

¹¹ «У Василька и Дмитрика есть папа...». Все названия и цитаты с указанием страницы в квадратных скобках, без указания источника (стихи и письма Я. Лесива), приведены по изданию: Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. Орися Сокульська], Київ 2014, 784 с. В примечаниях подан подстрочный перевод с украинского. Биографические и критические материалы указаны как отдельные источники, цитируются в переводе.

«Коли і як це сталося, скажіть, / Що Золоті Ворота ми навстіж / Зсередини відкрили ворогам / Молимося чужим Богам?!» [с. 189]¹².

Преимущественно эти стихи – скупко выписанные миниатюры, в которых доминируют образы природного мира, эмоциональные переживания или обращение к родному человеку (к жене, сестре, сыну...). Кратчайшие составляют две-три строки:

«Змерзлий кетяг калини – / Пульсар замордованих / Душ» [с. 98]; *«Заскліле більмо вікна / Через трати за мною / зиркає»* [с. 99]; *«Сумно шепоче вітка. / Не торкайся, вітре, / Рани на душі...»* [с. 105]¹³.

Как подсказывает П. Зальваха в своих воспоминаниях об увлечениях Я. Лесива, в стихах есть что-то от поэтики японских танка и хокку: глубина подтекста при минимуме словесного выражения, тонкий рисунок чувств и благородная сдержанность их проявления.

Стихи производят впечатление удивительно светлого, любовного взгляда на мир. Показательно восприятие этой лирики и её автора художницей и поэтессой из круга его днепропетровских друзей-диссидентов – Р. Лышшей: «Лучистая собранность... и одновременно лёгкость, негромкость, простота... будто ангельская приветливая бесшумность его присутствия – всё это как бы расширяло пространство, делало всё вокруг вольным, чистым, прозрачным. [...] Тогда же... впервые открыл нам Ярослав и свои – действительно похожие на капли росы, бездонно-прозрачные, будто промытые небом стихи»¹⁴.

Не зная биографии автора, трудно поверить, что они могли быть созданы не просто в заключении, а в условиях пребывания в карцерах, во время изнурительных голодовок и нескончаемых истязаний – физических и моральных. В исторических исследованиях диссидентского движения в Украине указано, что Я. Лесив неоднократно держал голодовки и считается «рекордсменом» их длительности: длиннейшая из них длилась 192 суток (заключённого периодически истязали процедурой принудительного искусственного кормления), когда он боролся против произвола советских властей, осудивших его в конце второго срока заключения на третий, в очередной раз

¹² «Когда и как это случилось, скажите, / Что Золотые Ворота мы настезь / Изнутри отперли врагам / И молимся чужим Богам?!».

¹³ «Замёрзшая гроздь калины – / Пульсар замученных / Душ»; «Остекленевшее бельмо окна / Через решётку за мной / Посматривает»; «Грустно шепчет ветка. / Не касайся, ветер, / Раны на душе».

¹⁴ Лиша Р. *Ярослав і ковчег* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат : поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. Орися Сокульська], Київ 2014, с. 198, 202.

сфабриковал обвинения, чтобы не выпускать из тюрьмы ни на день. Об истязаниях можно догадаться, сопоставив некоторые факты биографической справки и проследив линию упоминаний о здоровье в письмах: в них скупо, осторожно, лишь в общих чертах обозначены детали быта заключённого Лесива. С одной стороны, осторожность – чтобы не травмировать родных, с другой – чтобы избежать репрессий цензуры, которая часто изымала письма по своему усмотрению. Письма показывают, как катастрофически ухудшалось состояние Я. Лесива и как это влияло на моральный дух, как всё тяжелее было ему говорить с родными из-за тюремных стен:

«...пишу листи і як каміння у воду, лише чорні кола обручами – не розходяться, а стискають моє серце» (сестре Орысе – 23.02.1981) [с. 310]; *«...писав листа, заледве спромігся на кілька слів, так ми зіпило мову і дулю»* (сестре Орысе – 23.02.1982) [с. 328]; *«Аж не віриться, що мені вже 40 років, а якщо додати, що більше ¼ по сих заповідниках, то стає досить таки сумно й скверно на душі. [...] Якби ти знала, який я зболений, пишу це тобі, бо не виджу нікого довкола, аби бодай хотів мене зрозуміти. [...] То вже вибач, бо не годна си увявити, яка тут задуха, я вже починаю вірити, що нема межі людським можливостям»* (сестре Орысе – 28.01.1985) [с. 452-453]¹⁵; и т. п.

От стихов впечатление совершенно иное.

Будучи очевидно ограничен телесной несвободой, лирический герой Я. Лесива в стихах приобретает безграничную свободу и духовную мощь:

«Мов пилінка в сонячнім промінні, / Лежа, світла, наче неземна – / Так душа моя в часи прозріння / Яснокрило в небо порина. / Благословенна мить! Немає / Бажань, ні мук, ані тривоги, / І тільки лет в яснім безкраї, / Лиш мить і вічність, / Я і Бог» [с. 141]¹⁶.

Так мог себя чувствовать только человек, в душе которого Бог жив постоянно. Показательно, что в письмах этот мотив прослеживается ещё со времён первого заключения: Я. Лесив не собирался скрывать свою религиозность, хотя в восприятии советских властей её было достаточно для политических обвинений. Повторявшиеся изначально просьбы к родителям:

¹⁵ «...пишу письмо и как камни в воду, лишь чёрные круги обручами – не расходятся, а сжимают моё сердце»; «...писал письмо, едва смог [выдать] несколько слов, так оцепенели язык и душа»; «Просто не верится, что мне уже 40 лет, а если добавить, что более ¼ по этим заповедникам, то становится грустно и скверно на душе. [...] Если бы ты знала, как я измучен, пишу это тебе, потому что не вижу никого вокруг, кто бы хотел меня понять. [...] Ты уж извини, потому что не можешь себе представить, какая тут духота, я уже начинаю верить, что нет границ человеческим возможностям».

¹⁶ «Будто пылинка в солнечных лучах, / Лёгкая, светлая, будто неземная – / Так душа моя в часы прозрения / Яснокрило в небо погружается. / Благословенно мгновение! Нет / Желаний, ни мук, ни тревоги, / И только полёт в ясном безбрежье, / Только мгновенье и вечность, / Я и Бог».

«...ну буде бідкайтесе за мнов... [...] Ніколи не думав, що я такий дужий, мені сі мури й грати чи дроти ні при чім...» [с. 239]; «...почуваю себе мощно, я сильний як ніколи, Бог добрий, і все буде гаразд» [с. 292]¹⁷.

Вероятно, это было попыткой примирить родных с неизбежностью утрат, а не самоуспокоением – Ярослав изначально и вполне осознанно избрал мученический путь. За год до освобождения из первого заключения, 13 марта 1972 года, он писал во Владимирской тюрьме (видимо, отбывая очередную срок в карцере):

«...то сиджу так погадую, що вам відписати. А надворі таки весна... Крізь маленьку щілинку ледь пробивається тонесенький, як павутинка, промінець, зачепившись за грати, ось-ось обірветься, згине в мороці. Мені здається, що чую, як напружений до краю, він випромінює сталеві звуки. Яка міць, яка незбагненно велика потуга нести світло» [с. 255]¹⁸.

На эту тему – одна из характерных миниатюр Я. Лесива, которая почему-то не попала в последнее персональное издание:

«Сліпуче сонце / Ясна днина / Безмежність неба / І душі / Я більше птах / Аніж людина. / В такі хвилини / Цілий світ / Співається мов пісня / Усім моїм еством. / Бери побільше / Серце світла / Аби боротися / зі злом!»¹⁹.

Видимо, благодаря такому мироощущению в невольничьей поэзии Я. Лесива мало тюремно-лагерных реалий и даже упоминаний о заключении, хотя они и красноречивы:

«[...] “ШИЗО” – аїдовий підвал / Зімкнув безвихідь наді мною. [...]» [с. 84]; «[...] Всевидячого ока / В дверях зирк: / “Ей, ти живої?” [...]» [с. 93], « [...] На двісті душ один барак. [...]» [с. 96]²⁰ и т. п.

¹⁷ «...ну будет плакаться обо мне... [...] Никогда не думал, что я такой крепкий, мне эти стены и решётки или проволока ни при чём...»; «...чувствую себя крепко, я силен как никогда, Бог добр, и всё будет хорошо».

¹⁸ «...вот сижу да помышляю, что вам отписать. А на дворе так и весна... Сквозь маленькую щёлку едва пробивается тонюсенький, как паутинка, лучик, зацепившись за решётку, вот-вот оборвётся, стинет во мраке. Мне кажется, что слышу, как, напряжён до предела, он излучает стальные звуки. Какая мощь, как непостижимо велико усилие нести свет».

¹⁹ *Поетія із-за ґрат*: антологія / упоряд. О. Голуб; передм. Л. Тарнашинська, Смолоскип, Київ 2012, с. 399: «Слепящее солнце / Ясный день / Безграничье неба / И души / Я более птица / Чем человек. / В такие минуты / Целый мир / Поётся как песня / Всем моим еством. / Бери побольше / Сердце света / Чтобы бороться / со злом».

²⁰ «[...] “ШИЗО” – аїдов підвал / Замкнул безысходность надо мной. [...]»; «[...] Всевидящего глаза / В двери взгляд: “Эй, ты живой?” [...]»; «[...] На двести душ один барак. [...]».

Зато возникают неожиданные ассоциации предметов и обстоятельств видимой реальности со знаками, символами Божественного присутствия в мире:

«[...] Немов церкваця біла, ніч / Над твердою грішною землі / Леліяла – ми віч на віч. / Утаємнічені, малі, / Молилися устами віт / І шелестом розрив-трави. / Новий народжувався світ / У дровнім хаосі доби» [с. 83]; „[...] Лиш береги закам'яніло / Глядят у вись / На лик святой» [с. 89]; «Співають, шелестять, гудуть / Ліси на благовіст далекій. / Хрестами срібними плывуть / Знаменія оновлення – лелеки» [с. 103]; «Після денних тривог / Літній вечір, як Бог, / Втихомирює світ. [...]» [с. 184]²¹.

В контексте тогдашней советской литературы (то есть 1970-1980-х годов, когда эта лирика создана) резким диссонансом звучит тема христианского прощения врагам:

«[...] Из дна страждань, / Из серця глибини / В терпкому розпачі-печалі / Благословляю суще на землі / І вас, кати мої, прощаю. / І прощаюсь...» [с. 84]²².

В таком жертвенном всепрощении нет ни грана позы (в заключении Лесив неоднократно побывал на грани смерти), хотя тогдашнему «нормальному» человеку трудно было его понять, как и поверить в его искренность. Я. Лесив не был «нормальным» человеком – иначе не выдержал бы испытаний, уготовленных нераскававшемуся диссиденту. Тем не менее, он был человеком из плоти и крови, из страданий и боли. Одно из известнейших стихотворений (перепечатано в нескольких антологиях и персональных сборниках) звучит как клятва и пророчество, но слышны в нём и ноты горестного укора судьбе:

«Я все віддав тобі в офіру. / Я кинув все тобі під ноги, / Собі лишив бесаги й ліру, / І терном встелену дорогу. / І вже видніється Голгота – / Мій хрест – в руках, його нестиму. / І гавкає за мною псота, / Сміються й плачуть мені в спину. / І я іду, бреду поволі / Ілюзії хижими зробами. / Вишкірюються мрії кволі: / – О, доле, що ти робиш з нами?!» [с. 127]²³.

²¹ «[...] Будто церквушка белая, ночь / Над твердою грешной земли / Леліяла – мы с глазу на глаз. / Утаённые, малые, / Молились устами ветвей / И шелестом разрыв-травы. / Новый рождался мир / В древнем хаосе времени»; „[...] Лишь берега закаменело / Глядят в вись / На лик святой»; «Поют, шелестят, гудят / Леса на благовест далёкий. / Крестами серебряными плывут / Знаменья обновления – аисты»; «После дневных тревог / Летний вечер, как Бог, / Умиротворяет мир. [...]».

²² „[...] Со дна страданий, / Из сердца глубины / В терпком отчаянии-печали / Благословляю сущее на земле. / И вас, палачи мои, прощаю. / И прощаюсь...».

²³ «Я всё отдал тебе в жертву. / Я бросил всё тебе под ноги, / Себе оставил суму и лиру, / И тернием устланную дорогу. / И уже видна Голгофа – / Мой крест – в руках, его буду нести. / И гавкает за мною псота (песья свора), / Смеются и плачут мне в спину. / И я иду, бреду помалу

Горечь, боль и отчаяние, переживаемые Я. Лесивым в его безнадежном донкихотском противостоянии Системе, иногда были невыносимы:

«Ні слів нема, ні сліз, / Проклять і молитов, / Бо біль уже не біль / І кров уже не кров – / Важка ганебна ложка / Вокняжилась давно, / І нищості іржа, / І нігілізму дно» [с. 85]²⁴. Лирика становилась дневником отчаянного сопротивления тёмной силе, и всегда вопреки отчаянию звучал звон колоколов – тревоги и надежды: *«Вся камера моя в хрестах, / На них усіх я розіп'ятий, / Запекся кров'ю на вустах / Мій крик – не закричати! / А десть далеко б'ється дзвін... [...]»* [с. 110]²⁵.

Звуки или отголоски колокольного звона – один из немногих звуковых лейтмотивов в образной поэтике Я. Лесива; звон принадлежит не только человеческому, но и природному, гармоничному миру, иногда – воспоминаниям:

«[...] Угорі кажан літає, / На дзвіниці будить дзвін. [...]» [с. 122]; *«[...] Поля – як щойно зняті дзвони, / Упізнають свою луку. [...]»* [с. 131]²⁶.

Созвучны звону звуки птиц в небе

([...] ...В зеніті жайвори безсмертні: / – Жура... [...]» [с. 130]²⁷), в садах *([...] ...А десть в садах кують зозулі, / В чужих... [...]»* [с. 130]²⁸),

на сельском подворье

(«Вуйко плели кошички. / Ластівки ліпили гніздо. / Діти грались у війну. / Перепліталися вуйкові думи / З ластів'ячим щебетом... [...]» [с. 135]²⁹) –

(медленно) / Иллюзий хищными гробами. / Оскаливаются мечты хилые: / – О, судьба, что ты делаешь с нами?!».

²⁴ «Ни слов нет, ни слёз, / Проклятий и молитв, / Потому что боль уже не боль / И кровь уже не кровь – / Тяжкая позорная ложь / Вокняжилась давно, / И низости ржавчина, / И нигилизма дно».

²⁵ «Вся камера моя в крестах, / На них всех я распят, / Запекся кровью на губах / Мой крик – не кричать! / А где-то далеко бьётся колокол... [...]».

²⁶ „[...] Вверху летучая мышь летает, / На колокольне будит звон. [...]»; „[...] Поля – будто только что снятые колокола, / Узнают своё эхо. [...]».

²⁷ „[...] В зените жаворонки бессмертны: / – Грусть... [...]».

²⁸ «[...] ...А где-то в садах кукуют кукушки, / В чужих... [...]».

²⁹ «Дядько плели лукошки. / Ласточки лепили гнездо. / Дети играли в войну. / Переплелись дядьковы думы / С ласточкиным щебетом... [...]».

всё вместе означает мир естественной гармонии. Из звуковых мотивов чаще встречается только мотив «ветер», несущий разнообразные ассоциации настроений, хотя большинство – грустные и горестные:

«[...] *Загужить вітер білим світом / В калині за вікном. [...]*» [с. 64]; «[...] *Тільки вітер у обличчя, / А її нема... [...]*» [с. 90]; «[...] *Білий вітер – білий птах / По землі волочить крила... [...]*» [с. 155]³⁰.

Благодаря ритмически-звуковой «оркестровке» эти мотивы создают печальную мелодию, разносимую эхом, тоже напоминающим колокольный звон:

«Вітер над полем –/ болем. / Вітер над морем –/ горем. / Вітер над лісом –/ піснею. / Вітер над шляхом –/ стягом / майорить» [с. 163]³¹.

Звуки колоколов и природы контрастируют с глухой тишиной или какофонией тюрьмы – последние доминируют тогда, когда речь идёт о самых трудных для лирического героя испытаниях:

«Повис душі моєї крик... [...] Зі всіх темниць, / зі всіх сторін, / Як велетенська чорна миша, / На арештантську сіру тень / Накинулась тюремна тиша» [с. 114]; *«За вікном у пратах світ. / Аж до млюсті біла тиша. [...]*» [с. 115]³².

Причём «большая зона» и зона «малая» (так диссиденты-украинцы называли советскую империю и собственно тюремно-лагерную зону за колючей проволокой) в художественном мире Я. Лесива неразделимы и даже не названы, поскольку конкретизировать эти названия не было нужды – они загораживали целый свет:

«[...] *...Над велетом-містом / сторуким – / Пророків сто, / покручив чорних... / Крила сухо скриплять, / наче жорна... [...]* *Одчайдушино кричать / мегафони:– Кілограми, пуди, / кілотонни!»* [с. 125]³³.

³⁰ «[...] *Загужит ветер по белу свету / В калине за окном [...]*». «[...] *Только ветер в лицо, / А её нет... [...]*»; «[...] *...Белый ветер – белая птица / По земле влачит крылья... [...]*».

³¹ «*Ветер над полем –/ болью. / Ветер над морем –/ горем. / Ветер над лесом –/ песней. / Ветер над шляхом –/ стягом / трепещет*».

³² «*Повис души моей крик... [...] Со всех темниц, / со всех сторон, / Как огромная чёрная мышь, / На арештантскую серую тень / Набрисилась тюремная тишина*»; «*За окном в решётке мир. / Аж до обморока белая тишина. [...]*».

³³ «[...] *...Над великаном-городом / сторуким –/ Пророков сто, / покручей чёрных... / Крылья сухо скрипят, / как жернова... [...]* / *Отчаянно кричат мегафоны: / Килограммы, пуды, / килотонны!»*.

Наиболее трагические строки в лирике Я. Лесива посвящены жене и родным. Понять их помогают письма, где постоянными мотивами звучит забота о близких, чувство вины и покаяния перед ними. Ведь намереваясь идти до конца добровольно избранным путём борьбы за Украину и истинную церковь, Ярослав мучился тем, что страдали и дорогие ему люди. Что он мог предложить им в утешение, чем помочь, кроме веры во благость Божьей воли и в Божье покровительство? Его интимная лирика насыщена религиозной символикой, в частности символами страданий Христа:

«[...] *Якби, кохана, ти змогла / Піднятися знову на вершину / І звідти поглядом орлиним / Озріти наш терновий шлях.* [...]» [с. 72; выделено здесь и далее мной – Н. К.]³⁴. Он знал, что возврата с этого пути нет: *«Йди. / Прощай, / Моя кохана. / Життя своє таки взяло. / Тепер уже смертельна рана / Не заживе – наче вікно, / Опівночі кимось розбите, / Жахатиме людей. / Бо не вино – / а кров / пролита. / Вістар осквернено / святий»* [с. 79]³⁵. Отношение к любимой постоянно проникнуто благоговейным чувством: *„[...] Мила, заглянь мені в очі, / В чисту бездонну криницю. / Тополею стань окрай ночі, / Буду на тебе молитися»* [с. 51]³⁶.

Образ любимой в немногочисленных любовных стихах Я. Лесива идеализирован и практически лишён каких-либо бытовых, телесных и чувственных черт; именно в таких стихах сталкиваемся с «олитературенностью», о которой писал Ю. Вивташ:

«[...] *Тебе нема – є дивна фея, / Богів творіння неземне. / І трепет зlatih струн Орфея, / І мить, що в безвість не мине. / Не снись, / Не клич, / Не відзивайся!* [...]» [с. 52]³⁷.

То же и в обращениях к сестре:

«*Сестрі Орисі / Ліне хмаринка біла – / Моя молитва до тебе.* [...] *Творю молитву Богу – / У твоїй іпостасі»* [с. 144]³⁸.

³⁴ „[...] Если бы, любимая, ты могла / Подняться снова на вершину / И оттуда взглядом орлиным / Воззреть на наш терновый путь. [...]».

³⁵ «Иди. / Прощай, / Моя любимая. / Жизнь своё всё-таки взяла. / Теперь уже смертельная рана / Не заживёт – словно окно, / В полночь кем-то разбитое, / Будет пугать людей. / Ведь не вино – / а кровь / пролита. / Алтарь осквернён святой».

³⁶ „[...] Милая, загляни мне в глаза, / В чистый бездонный колодец, / Тополем стань на краю ночи, / Буду на тебя молитися».

³⁷ „[...] Тебя нет – есть дивная фея, / Богов творение неземное. / И трепет златых струн Орфея, / И мгновенье, что не канет в бездну. / Не снись, / Не зови, / Не откликайся! [...]».

³⁸ «Сестре Орысе / Плывёт облачко белое – / Моя молитва к тебе. [...] *Творю молитву Богу – / В твоей ипостаси»*.

К матери прямых посланий в ранних стихах (если судить по последнему персональному сборнику) не было, но красноречивы были упоминания о её горе:

«Востанне ліс заголосив, / У небі пісня обірвалась. / Тоді без сина, як без крил, / Упала материна старість. [...]» [с. 94]³⁹.

В письмах чувствуется нежное и трепетное отношение Ярослава к маме: чтобы не берeditь её боль, в начале отбывания третьего тюремного срока он даже просил родных, чтобы не пускали её на свидание – слишком очевидны были бы для неё последствия его чудовищной голодовки, – и просил беречь её. В последних стихах появляется непосредственное обращение и посвящение, но сам образ идеализирован и обобщён – мать приравнивается к природе и земле:

«Матері присвячую / Трави проростають руками матері. / Крилиці дивляться очима матері. / Дороги снять тривогами матері. / Земля дихає грудьми матері. / Всюди Мати, лише Вона одна!» [с. 180]⁴⁰.

На своём крестном пути Я. Лесив чувствовал себя трагически, бесповоротно «одиноким у рідній чужині» [с. 181]⁴¹, хотя у него были заботливые родственники, верная жена и сын, добрые друзья-единомышленники (и среди них такие непреклонные и кристально чистые в своей самоотверженной борьбе за волю Украины, как Зеновий Красивский, Опанас Зальваха, Иван Сокульский). Мотивы экзистенциального одиночества звучат в лирике Лесива то стоически, то со щемящей скорбью:

«Не відступлюся, рідний краю, / Сам іду на рать ворожу; / Хоч би смертію своєю / Чорні сили переможе!» [с. 188]⁴²; *„[...] Відчуваю епоху / І болю за всіх. / І складаю всесвітній / Гімн добру! / Хоч в дорозі самотній, / У дорозі умру!»* (из письма жене 26.09.1983 года, переспанного стихами, которые составитель персонального сборника не подаёт вместе со стихотворными текстами) [с. 418]⁴³; *„[...] Смутні надії, / Як сон цей, / В друзки розбилися / Об віку*

³⁹ «В последний раз лес заголосил, / В небе песня оборвалась. / Тогда без сына, как без крыльев, / Упала материнская старость. [...]».

⁴⁰ «Матери посвящаю / Травы прорастают руками матери. / Колодцы смотрят глазами матери. / Дороги видят сны из тревог матери. / Земля дышит / грудью матери. / Всюду Мать, только Она одна!».

⁴¹ «...одиноким в родной чужбине».

⁴² «Не отступлюсь, родной край, / Сам иду на рать вражескую, / Чтобы хоть смертию своєю / Чёрные силы победить».

⁴³ „[...] Чувствую эпоху / И болю за всех. / И слагаю всемирный / Гимн добру! / Хоть в дороге одинок, / В дороге умру!».

жорстокість. / Мила, о мила! / Я знов одинокий» (также из письма жене, июль 1984 года) [с. 441]⁴⁴.

Характерные приметы стилистики в стихах Я. Лесива – сравнения и метафоры, несущие ассоциации с религиозной символикой, с национальным искусством, в частности – фольклорно окрашенные:

«[...]...*За хрестами вікна – Неба чорний квадрат. [...]*» [с. 151]; «[...]...*Три разки коралів, / На калині кров. [...]*» [с. 153]; «[...]...*В небі той самий лелека, / Легіт лісу, вічність трав. / Церк-ва-писанки здалека / Затитає, що надбав. [...]*» [с. 175]⁴⁵.

Диссидент Я. Лесив оказался не только несгибаемым в борьбе с тоталитарной властью, но и способным отстаивать словом и делом истинно христианские добродетели на протяжении всей своей мученической жизни, не отступая от них ни на шаг. Поэтическая декларация христианской любви

«Камінь, що в мене кидають, / В чорнозем душі ловлю. / Зійдуть ломикаменем кві-ти. / Люблю вас, люблю, люблю» [с. 191]⁴⁶)

оказалась крепче репрессивной системы, которой не удалось ни озлобить, ни запугать, ни унижить будущего отца Ярослава даже в глазах тех уголовников, к которым его отправили «на перевоспитание» отбывать сфабрикованные второй и третий приговоры советского суда. Когда он выходил на волю, эти люди просили его:

«Молись за нас, Ярослав!»⁴⁷.

Небольшое поэтическое наследие Я. Лесива заслуживает сравнения с наследием великих христианских поэтов, в украинской же литературе его просто не с чем сравнивать – разве что с молитвенной лирикой поэтов барочной эпохи. В XX веке эта традиция не была актуализирована и долго умалчивалась. Но отныне звучит как никогда актуально.

⁴⁴ „[...]... Смутные надежды, / Как сон этот, / Вдребезги разбились / О века жестокость. / Милая, о милая! / Я снова одиноку».

⁴⁵ «[...]... За крестами окна – / Неба чёрный квадрат. [...]»; „[...]... Три нитки кораллов, / На калине кровь. [...]»; „[...]... В небе тот же аист, / Шёпот леса, вечность трав. / Церковь-писанка издалека / Спросит, что најил (приобрёл). [...]».

⁴⁶ «Камінь, в мене брошений, / В чернозём души ловлю. / Взойдут камнеломкой цветы. / Люблю вас, люблю, люблю».

⁴⁷ Заливаха О., *op. cit.*, с. 645.

The title in English:

The Lyric Poetry of “Father Sun”: “What power, what inapprehensible great effort to carry light...”

Abstract (Summary) in English:

The article deals with the poetic legacy of the Soviet dissident and long-standing prisoner and later Uniat priest Yaroslav Lesiv (1945 – 1991). It presents the outlook on life and the world of the believer and religious symbolism used in his lyric poetry. A considerable part of this lyric poetry was published posthumously. It is simple but refined in form and it sounds like a collection of prayers. Y. Lesiv's lyric poetry reveals indisputable human and Christian values and Christian ethical postulates it expresses form an organic whole and cannot be doubted. Unfortunately, it's impossible to analyze the formation of this world outlook now as all the published collections of Y. Lesiv's lyric poetry differ both in composition and in manner of arrangement of texts, none of them is dated and none points to the sources from which the texts had been taken; in different editions there are substantial discrepancies. Obviously, it is necessary to do textual research based on archives. Y. Lesiv's poetic work is multidimensional and requires repeated reading and critical interpretation. The **aim** of the article is an analysis of religious problems and of the connections between the figurative poetics and the author's religious outlook. The **methodological basis** of the research is the traditional approach of literary history and methods of hermeneutic interpretation.

The basic results of the research are the following observations and conclusions. Y. Lesiv's poems create an impression of light, loving outlook up[on the world. Not knowing the author's biography, one can hardly believe that the poems were written not only in imprisonment but in the hard conditions of living in the dark cell, of exhaustion and starvation after the tortures. Being physically imprisoned, the lyrical- hero acquires unlimited spiritual freedom. In Lesiv's poetry are very few details of prison-camp reality or even mentions concerning the prison, although when they appear, they are very meaningful. But unexpected associations of the objects or circumstances of the reality with symbols and signs of God's presence in the world appear. In the poems. The motifs of existential loneliness sometimes sound stoical, but on other occasions they are permeated with aching grief. Y. Lesiv's modest poetic legacy deserves comparison with the legacy of great Christian poets and there is nothing in the Ukrainian literature with which we can Y. Lesiv's work can be compared, except the lyrical prayer poetry of the baroque epoch. In the 20th century this tradition was not recalled and it was basically ignored. At present, however, it is very important.

Keywords:

prison-camp lyric poetry, Yaroslav Lesiv (1945-1991), Y. Lesiv's poetic legacy, religious world outlook, existential loneliness, Christian symbolism.

Tytuł po polsku / the title in Polish:

Liryka „ojca Słoneczka”, „jaka moc, jaki niezmiernie duży wysiłek nieść światło...”

Abstrakt (Streszczenie) po polsku . Abstract (Summary) in Polish:

Niniejszy artykuł opowiada o dziedzictwie poetyckim sowieckiego dysydenta i więźnia, a później unickiego księdza Jarosława Lesiwa (1945-1991). W artykule się wciela światopogląd człowieka wierzącego i są używane symbole religijne. Wiele z tych wierszy zostały opublikowane pośmiertnie. Proste, ale eleganckie w formie, one brzmią jak zbiór modlitw. W poezji Jarosława Lesiwa są niepodważalnymi wartości chrześcijańskie a ludzkie, aksjomaty moralne Chryścjan są organiczne a niezaprzeczalne. Niestety, nie możemy zanalizować powstanie takiego świata, ponieważ wszystkie opublikowane zbiory poezji Jarosława Lesiwa różnią się zarówno pod względem składu i kolejności rozmieszczenia tekstów, żaden ze zbiorów poezji nie zawiera dat i nie wyjaśnia źródło, z którego zostały one wydrukowane; w różnych publikacjach istnieją znaczne różnice tekstów. Oczywiście, ma jeszcze być zrobione zbadanie tekstu, w oparciu o archiwum. Poezja Jarosława Lesiwa wielowymiarowa i wymaga wielokrotnego czytania i interpretacji krytycznej. **Celem** pracy jest analiza problemów, komunikacji figuratywnej poetyki a światopoglądu religijnego autora. **Podstawą metodologiczną** badań: tradycyjne historyczno-literackie podejście i metody interpretacji hermeneutycznej.

Głównymi **wynikami badania** są następujące spostrzeżenia i wnioski. Wiersze Jarosława Lesiwa sprawiają wrażenie zaskakująco lekkiego miłosego poglądu na świat. Nie znając biografii autora, trudno jest uwierzyć, że one mogły być tworzone nie tylko w więzieniu, ale w warunkach pobytu w karcerach, w czasie wyniszczającego głodu, po torturach. Jest oczywistym to, że, będąc ograniczony niewolą ciała, bohater liryczny Jarosława Lesiwa w wierszach otrzymuje nieskończona wolność duchową. W poezji Jarosława Lesiwa, pisanej w więzieniu, nie jest dużo opisywać realiów o więzieniu czyli obozie, a nawet wzmianek o więzieniu, chociaż są one dość wymowne. Ale jednak, tworzą się porównania nieprzewidziane, obiektów lub okoliczności, widocznej rzeczywistości z symbolami, znakami obecności Boga w świecie. Motywy samotności egzystencjalnej to brzmią tragicznie, to z przeciągającym żalem. Niewielkie poetyckie dziedzictwo Jarosława Lesiwa zasługuje na porównanie ze spuścizną wielkich poetów chrześci-

jańskich; a w literaturze ukraińskiej to dziedzictwo po prostu nie ma nic do porównania – chyba poza liryką modlitwy, poetów baroku. W XX wieku, tradycja ta nie została odświeżona i długo była ignorowana. Teraz jednak, ona brzmi tak, jak nigdy ważne.

Słowa kluczowe / Key words in Polish:

liryka więzienia i obozu, Jarosław Lesiw (1945-1991), dziedzictwo poetyckie Jarosława Lesiwa, światopogląd religijny, egzystencjalna samotność, symbolika chrześcijańska.

Аннотация / Abstract (Summary) in Russian:

Лирика «отца Солнышка»: «Какая мощь, как непостижимо велико усилие нести свет».

В статье идёт речь о поэтическом наследии советского диссидента и долголетнего заключённого, а позднее униатского священника Ярослава Лесива (1945-1991). В лирике воплощено мировоззрение верующего человека и использована религиозная символика. Значительная часть наследия опубликована посмертно. Простая, но изысканная по форме, лирика звучит как собрание молитв. В поэзии Я. Лесива предстают несокрушимые общечеловеческие и христианские ценности, органические и несомненные моральные аксиомы христианина. К сожалению, на данном этапе изучения невозможно анализировать становление такого мировоззрения, поскольку все опубликованные собрания стихов Я. Лесива разнятся как по составу, так и порядком размещения текстов, ни одно не содержит их датировки и не объясняет, из какого источника они опубликованы, в разных изданиях имеются существенные отличия текстов. Очевидно, должно быть сделано текстологическое исследование, опираясь на архивы. Поэтическое творчество Я. Лесива многомерно и требует неоднократного прочтения и критической интерпретации. **Целью исследования** является анализ религиозной проблематики и связи образной поэтики с мировоззрением автора. **Методологическая основа** исследования: традиционный историко-литературный подход и методы герменевтического истолкования.

Основными **результатами** исследования являются следующие наблюдения и выводы. Стихи Я. Лесива производят впечатление удивительного светлого, любовного взгляда на мир. Не зная биографии автора, трудно поверить, что они могли быть созданы не просто в заключении, а в условиях содержания в карцере, во время истощающих голодовок, после истязаний. Будучи ограниченным физической несвободой, лирический герой в стихах приобретает

бескрайною духовною свободою. В невольничьей поэзии Я. Лесива мало тюремно-лагерных реалий и даже упоминаний о тюрьме, хотя они и красноречивы. Зато возникают неожиданные ассоциации предметов и условий видимой реальности с символами, знаками Божьего присутствия в мире. Мотивы экзистенциального одиночества звучат то стоически, то со щемящей горечью. Небольшое поэтическое наследие Я. Лесива заслуживает сравнения с наследием великих христианских поэтов, в украинской же литературе его просто не с чем сравнивать, разве что с молитвенной лирикой поэтов барокковой эпохи. В XX веке эта традиция долго не была актуализирована и замалчивалась. Но сегодня звучит как никогда актуально.

Ключевые слова:

тюремно-лагерная лирика, Ярослав Лесив (1945-1991), поэтическое наследие Ярослава Лесива, религиозное мировоззрение, экзистенциальное одиночество, христианская символика.

Литература / Bibliography

Bibliography in the Cyrillic Alphabet:

Primary Bibliographical Sources in the Cyrillic:

Лесів Я. *Сніг без трат : поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. Орися Сокульська]. – Смолоскип, Київ 2014, 784 с.

Secondary Bibliographical Sources in the Cyrillic:

Вівгаш Ю. *Краплини на ґратах ; Мужній лицар, добрий пастир...* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Смолоскип, Київ 2014, с. 11-17.

Заливаха О. *З вірою і любов'ю ; Нескорений* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Смолоскип, Київ 2014, с. 643-647.

Лесів Ярослав Васильович, Вікіпедія http://uk.wikipedia.org/wiki/Лесів_Ярослав_Васильович [доступ: 25.07.2014].

Липша Р. *Ярослав і ковчег* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Смолоскип, Київ 2014, с. 197-205.

Поезія із-за ґрат: антологія / упоряд. О. Голуб; передм. Л. Тарнашинська, Смолоскип, Київ 2012, 872 с.

Салига Т. *«Щоб не лишати внакам... кайдани»* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Смолоскип, Київ 2014, с. 19-41.

Сверстюк Є. *Прагнення святості* [в:] Лесів Я. *Сніг без трат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогади, документи*, [укл. О. Сокульська], Смолоскип, Київ 2014, с. 11-17.

Терещук Г. «Не великими будьте, а святими». 18 років від загибелі священика Ярослава Лесіва, Радіо Свобода, 03.10.2009. <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1842412.html> [доступ: 26.07.2014].

Юсип Д. «Мій хрест – в руках, його нестиму...», [в:] Лесів Я. *Сніг без ґрат: поезія, епістолярій, публіцистика, спогоди, документи*, [укл. О. Сокульська], Київ 2014, с. 654-672.

Якібчук М. В. *Творчість Зеновія Красівського та Ярослава Лесіва: дискурс національної ідентичності*: автореф. дис. канд. філол. наук : 10.01.01 – укр. л-ра, Львів 2010. – 19 с.

Bibliography transliterated from the Cyrillic Alphabet into Latin Alphabet:

Transliterated primary bibliographical sources:

Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, ss. 784.

Transliterated secondary bibliographical sources:

Ākibčuk M. V., *Tvorčist' Zenoviā Krasivs'kogo ta Āroslava Lesiva: diskurs nacional'noi identičnosti*: avtoref. diis. kand. filol. nauk: 10.01.01 – ukr. L-ra, L'viv 2010, ss. 19 s.

Lesiv Āroslav Vasil'ovič, Wikipediā, http://uk.wikipedia.org/wiki/Лесів_Ярослав_Васильович [25.07.2014].

Liša R., *Āroslav i kovčeg*, [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 197-205.

Poeziā iz-za ǵrat: *Antologija*. O. Golub (red.), peredm. L. Tamašins'ka, Smoloskip, Kiiv 2012, ss. 872.

Saliga T., “Šob ne lišati vnukam... kajdani”, [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 19-41.

Sverstik Ē., *Pragnennā svātosti* [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 11-17.

Terešuk G., “Ne velikimi budte, a svātimi”. 18 rokiv vid zagibeli svāšenika Āroslava Lesiva, Radio Svoboda, 03.10.2009. <http://www.radiosvoboda.org/content/article/1842412.html> [26.07.2014].

Ūsip D., “Mij hrest – v rukah, jogo nestimu...”, [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 11-17.

Vivtaš Ū., *Kraplini na ǵratah; Mužnij licar, dobrij pastir...*, [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 11-17.

Zalivaha O., *Z vironū i ljubov' ū; Neskorenij*, [v:] Lesiv Ā. *Snig bez ǵrat: poeziā, epistolarij, publicistika, spogadi, dokumenti*, O. Sokul's'ka (ukl.), Smoloskip, Kiiv 2014, s. 643-647.

Information about the Author

Information about the Author in English:

Nadiya Georgijivna Koloshuk (Prof. Ph.D., D.Sci., Doctor of Philology, Professor) graduated from T. H. Shevchenko Kyiv State University in 1982 with a specialty in philology in the Russian language and Russian literature. She is employed at Lesya Ukrainka Eastern European National University in Lutsk, Ukraine as a professor in the Department of Literary Theory and Foreign Literature. She is an expert in literature as a Slavist. Her dissertation, *The author's position in the modern prose about the village (based on the materials of the autobiographic works by V. Astafiev, M. Karim, M. Alekseiev*, was defended in 1991. Her doctoral dissertation, *Prison-camp Prose as a Literary Phenomenon of the 20th*

Century (on the Basis of Ukrainian, Russian, Belarusian and Polish Literature) was defended in 2007 in T. H. Shevchenko Institute of Literature of The National Academy of Sciences of Ukraine in Kyiv. Her specialties were in Ukrainian and Slavic literature. She published two books and over 130 articles (without coauthors) in Ukraine, Russia, Belarus and Poland. In 2006, she published the monograph, *The Camp Prose in the Paradigm of Post Modernism* in Lutsk. In 2010, she published *Ivan Bahrianyi: The Dominants of Creative Work and the Problems of Study* in Lutsk. Her e-mail address is n_koloshuk[at]ukr.net

Informacja o Autorce (po polsku) / Information about the Author in Polish:

Nadija Georgijwna Kolożuk, Nadiâ Georgiïwna Kološuk [Nadežda Georgievna Kološuk, Nadiya Georgijwna Koloshuk (Надія Георгіївна Колошук, Надежда Георгиевна Колошук)]. (Prof. Ph.D., D.Sci.), doktor habilitowany filologii, profesor, literaturoznawczyni, slawistka. Ukończyła studia w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie w 1982 roku, specjalność – filolog-rusycysta. Profesor Katedry Teorii Literatury i Literatury Obcej w Instytucie Filologii Wschodnioeuropejskiego Narodowego Uniwersytetu imienia Łesi Ukrainki w Łucku (Ukraina). Pracę kandydacką pt. *Pozycja autorska we współczesnej prozie o wsi (na podstawie autobiograficznych dzieł V. Astaf'eva, M. Karima, M. Aleksejeva)* obroniła w 1991 roku w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie. Specjalność – «Literatura narodów ZSRR». Pracę doktorską na temat *Proza obozowa jako zjawisko literackie XX wieku (na podstawie ukraińskiej, rosyjskiej, białoruskiej i polskiej literatury)* obroniła w 2007 roku w Instytucie Literatury imienia Tarasa Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów); specjalność: „literatura ukraińska” + „literatura narodów słowiańskich”. Opublikowała dwie książki i ponad 130 artykułów (bez współautorów) ogłoszonych na Ukrainie, Białorusi, w Rosji i Polsce. Autorka książek: *Proza obozowa w paradygmacie postmoderny. Monografia* (Łuck 2006); *Ivan Bahriani: Dominanty twórczości a problemy badawcze. Podręcznik* (Łuck 2010). Krąg zainteresowań naukowych: historia literatury ukraińskiej i literatur słowiańskich XX wieku, literatura dokumentalna ([literatura faktu] czyli *non fiction*), komparatystyka literacka, studia postkolonialne, etnoimagologia. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Informace o autorovi (v češtině) / Information about the Author (in Czech):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filologie, profesorka, literární vědkyně, slavistka. V r. 1982 vystudovala ruskou filologii na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě. Je profesorkou Katedry teorie literatury a cizích literatur v Ústavu filologie Východoevropské národní univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku na Ukrajině. V r. 1991 obhájila kandidátskou práci *Autorská pozice v současné próze o venkově (na základě autobiografických děl V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Státní univerzitě Tarase Ševčenko v Kyjevě ve specializaci Literatura národů SSSR. V r. 2007 obhájila doktorskou práci na téma *Proza s tematikou koncentračních táborů jako literární jev 20. století (na základě ukrajinské, ruské, běloruské a polské literatury)* v Ústavu literatury Tarase Ševčenko Národní akademie věd Ukrajiny v Kyjevě ve specializaci Ukrajinská literatura a literatura slovanských národů. Vydala dvě knihy a více než 130 článků (bez spoluautorů) na Ukrajině, v Bělorusku, v Ruské federaci a v Polsku. Je autorkou knih *Proza s tematikou koncentračních táborů v postmoderním paradigmatu, Monografie* (Luck 2006), *Ivan Bahriani: Dominanty tvorby a výzkumné problémy. Příručka* (Luck 2010). Oblasti vědeckého zájmu: dějiny ukrajinské literatury a slovanských literatur 20. století, dokumentární literatura (literatura faktu – *non fiction*), literární komparatistika, postkoloniální studia, etnoimagologie. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[český překlad: Libor Martinek]

Informácie o autorke (v slovenčine) / Information about the Author (in Slovak):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filológie, profesorka, literárna vedkyňa, slavistka. V r. 1982 ukončila štúdium ruskej filológie na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenka v Kyjeve. Je profesorkou Katedry teórie literatúry a cudzích literatúr v Ústave filológie Východoeurópskej národnej univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku (Ukrajina). V r. 1991 obhájila dizertačnú prácu *Autorská pozícia v súčasnej próze o dedine (na základe autobiografických diel V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenka v Kyjeve v špecializácii Literatúra národov ZSSR. V r. 2007 obhájila doktorskú prácu na tému *Próza s tematikou koncentračných táborov ako literárny jav 20. storočia (na základe ukrajinskej, ruskej, bieloruskej a poľskej literatúry)* v Ústave literatúry Tarasa Ševčenka Národnej akadémie vied Ukrajiny (Kyjev) v špecializácii Ukrajinská literatúra a literatúra slovanských národov. Vydala dve knihy a viac ako 130 článkov (bez spoluautorov) na Ukrajine, v Bielorusku, v Ruskej federácii a v Poľsku. Je autorkou kníh *Próza s tematikou koncentračných táborov v paradigme postmoderny. Monografia* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výskumné problémy. Príručka* (Luck 2010). Oblasť vedeckého záujmu: dejiny ukrajinskej literatúry a slovanských literatúr 20. storočia, dokumentárna literatúra (literatúra faktu, t. j. *non fiction*), literárna komparatistika, postkoloniálne štúdiá, etnoimagológia. E-mail: n_kolosuk[at]ukr.net

[slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Информация об авторе (по-русски) / Information about the Author (in Russian):

Надежда Георгиевна Колошук, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и зарубежной литературы Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, город Луцк, Украина. Закончила филологический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко в 1982 году; специальность – филолог-русист («филолог, преподаватель русского языка и литературы»). Кандидатская диссертация на тему «*Авторская позиция в современной прозе о деревне (на материале autobiografических произведений В. Астафьева, М. Карима, М. Алексеева)*»; защита состоялась в 1991 году в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Специальность – «Литература народов СССР». Докторскую диссертацию на тему «*Лагерная проза как литературный феномен XX века (на материале украинской, русской, белорусской и польской литературы)*» защитила в 2007 году в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (Киев). Специальность – «украинская литература» + «литература славянских народов». Опубликовала две книги и свыше 130 статей (без соавторов) в Украине, России, Беларуси, Польше. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Научная специализация: литературовед, slavist. Научные интересы: история украинской и славянских литератур XX века, документальная / нефикционная литература, сравнительное литературоведение, постколониальные студии, этноиматология. E-mail: n_kolosuk[at]ukr.net

Інформація про автора / Довідка про автора (українською мовою) / Information about the Author (in Ukrainian):

Надія Георгіївна Колошук, доктор філологічних наук, професор кафедри теорії літератури та зарубіжної літератури Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки, місто Луцьк, Україна. Закінчила філологічний факультет Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка в 1982 році, спеціальність – філолог-русист («філолог, викладач російської мови і літератури»). Кандидатську дисертацію на тему «*Авторська позиція в сучасній прозі про*

село (на матеріалі автобіографічних творів В. Астаф'єва, М. Каріма, М. Алексєєва)» захистила 1991 року в Київському державному університеті імені Т. Г. Шевченка. Спеціальність – «Література народів СРСР». Докторську дисертацію на тему «Табірна проза як літературний феномен ХХ століття (на матеріалі української, російської, білоруської і польської літератури)» захистила у 2007 році в Інституті літератури імені Т. Г. Шевченка Національної академії наук України (Київ). Спеціальність – «українська література» + «література слов'янських народів». Опублікувала дві книги і понад 130 наукових статей (без співавторів) статей в Україні, Росії, Білорусі, Польщі. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Наукова спеціалізація: літературознавець, славіст. Наукові інтереси: історія української та слов'янських літератур ХХ століття, документальна / нефікційна література, порівняльне літературознавство, постколоніальні студії, етномагологія. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Звесткі пра аўтара (па-беларуску) / Information about the Author (in Belarusian):

Надзея Георгіеўна Калашук, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі літаратуры і замежнай літаратуры Усходнеўрапейскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Лесі Українкі, горад Луцк, Украіна. Скончыла філалагічны факультэт Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі ў 1982 году; спецыяльнасць — філолаг-русіст (“філолаг, выкладчык рускай мовы і літаратуры”). Кандыдацкая дысертацыя па тэме “Аўтарская пазіцыя ў сучаснай прозе пра вёску (на матэрыяле аўтабіяграфічных твораў У. Астаф’єва, М. Карыма, М. Аляксеева)”; абарона адбылася ў 1991 годзе ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце імя Т. Г. Шаўчэнкі. Спецыяльнасць — “Літаратура народаў СССР”. Доктарскую дысертацыю па тэме “Лагерная проза як літаратурны феномен ХХ стагоддзя (на матэрыяле ўкраінскай, рускай, беларускай і польскай літаратур)” абараніла ў 2007 годзе ў Інстытуце літаратуры імя Т. Г. Шаўчэнкі Нацыянальнай акадэміі навук Украіны (Кіеў). Спецыяльнасць — “украінская літаратура” + “літаратура славянскіх народаў”. Апублікавала дзве кнігі і звыш 130 артыкулаў (без суаўтараў) ва Украіне, Расіі, Беларусі, Польшчы. Кнігі: *Лагерная проза ў парадыгме постмадэрну: Манаграфія* (Луцк 2006); *Іван Багряний: дамінанты творчасці і праблемы вывучэння: дапаможнік* (Луцк 2010). Навуковая спецыялізацыя: літаратуразнавец, славіст. Навуковыя інтарэсы: гісторыя ўкраінскай і славянскіх літаратур ХХ стагоддзя, дакументальная літаратура факту, параўнальнае літаратуразнаўства, посткаланіяльныя даследаванні, этнаімагологія.

[Глумачэнне на беларускую мову: Eugeniusz Pańkow і Olga Pańkova]